

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМАГОГИЯ КАК ФЕНОМЕН

Аннотация. В предыдущем номере журнала «Философия и культура» была опубликована колонка о том, как появилось слово «демагогия» и какое преобразование оно получило уже в античной культуре. Проследив историю данного феномена, автор показывал, что это слово приобретало различные оттенки и смыслы. Оно пришло к нам из античной Греции и претерпело радикальное смысловое преобразование. Изначально оно не имело негативного оценочного смысла. Когда, к примеру, Аристотель хотел обозначить свое отношение к вождю, властителю, способному позвать за собой народ, используя такие средства, как речь, поступки или подарки, то он называл его демагогом. В этом номере автор продолжает освещение темы, но уже на материале послеполитической культуры. Слово «демагог» отрицательное, хлесткое. Принимая решение, политик может оказаться либо демагогом, либо циником. Может быть, Макиавелли был прав, когда санкционировал возможность политика врать, изворачиваться, оставлять массы в дураках? Неужели политика и демагогия — близнецы-братья? Если это так, то народ имеет право отвернуться от такого политика. В качестве посредника между различными социальными слоями, политик вынужден сглаживать противоречия, создавать видимость сотрудничества, гармонии. Но ведь рано или поздно это становится невыносимым для общества. Автор статьи проследивает историю этого понятия в европейском сознании, рассматривает важные аспекты современной идеологической практики.

Ключевые слова: философия, демагогия, феномен, пропаганда, миф, идеология, политика, риторика, аполития, манипуляция.

В послеантичную эпоху философы продолжали обсуждать проблемы социальной демагогии. Мы продвигались вдоль эпох, чтобы показать, какие проблемы обсуждали философы. Сейчас речь пойдет о том историческом времени, когда мыслители стали более прицельными, проблемными. Они осознали, что пропаганда и идеология нужны обществу. Но вместе с тем началась отчаянная критика массовых идеологических процессов современного общества. Социальные мыслители с ужасом констатировали всемогущество обмана, демагогии, манипулирования общественным сознанием¹.

Отметим все же, что интерпретация пропаганды как «просвещения» не была результатом сознательного лицемерия мыслителей раннебуржуазной эпохи. Война предрассудкам, «призракам (идолам) сознания» во имя «вечных истин» объявлялась ими в полном соответствии с господствующими убеждениями в разумности истории,

единстве и неизбежности прогресса, внутренней гармонии индивидуального сознания.

Все это так. Но уже Фридрих Ницше показывает, что политик не может пренебречь социальной демагогией, опираясь на реальность истории. Его современники воочию убедились в том, что постоянный рост различных изданий, возрастание потоков сообщений, передаваемых с помощью телеграфа во все концы Европы, увеличение объема печатных материалов отнюдь не способствуют абстрактно понимаемому просвещению. Напротив, идеалы равенства и свободы, провозглашенные просветителями, превратились в своеобразные политические мифы².

Правящая элита заинтересована отныне не в просвещении, а в суеверии, не в правде, а в «гнусной и бесстыдной» клевете, «распространяемой официальной и продажной прессой». В этих условиях мыслителю, стремящемуся к истине, не так-то легко прорваться к реальности, разорвать оболочку

¹ Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1993.

² Мочкин А.Н. Великая политика Ф. Ницше и консервативная революция // Философия и культура. 2011. № 4 (40). С. 78-87.

мифа, дабы устранить суеверие. Программа, намеченная просветителями, воочию обнаруживает свою несостоятельность.

Именно так. Но тут Ницше делает неожиданный радикальный ход, он ставит вопрос: а нужно ли вообще бороться с предрассудками? Действительно ли стоит изживать суеверие? Этот разрыв с просветительской идеологией вытекает из всей концепции Ницше, который предлагает провести тотальную «переоценку ценностей», пересмотреть устоявшиеся взгляды, не боясь шокировать просветительски ориентированных мыслителей с их «отжившей» и «пагубной» философией. Осуждая «жалкую современную болтовню политики» и себялюбие народов, Ницше провозглашает, что надо иметь «мужество к запрещенному; предназначение к лабиринту».

Что же представляет собой тот «лабиринт» в который зовет Ницше? Немецкий философ утверждает, что ведущей силой исторического развития является «борьба за существование» которая в социальном плане постепенно переходит в «волю к власти». Однако это «естественное состояние человечества» по идее Ницше, подверглось порче со стороны христианства, которое приняло сторону всего слабого, низкого, неудачного, «сделало идеал из противоречия инстинктам самосохранения сильной жизни...». Критика христианства выполняет в концепции Ницше конкретное назначение: именно она призвана раскрыть немощность современной культуры, вобравшей в себя порочные установки и оказавшейся поэтому чуждой «подлинной жизни». Бичевание христианства позволяет, как полагает Ницше, восславить все «аристократическое» в ущерб «плебейской посредственности», господству «стада», «массы». Немецкий философ выделяет «мораль господ» и «мораль рабов», резко противопоставляя их.

Почему же Ницше приступает к столь решительной «переоценке ценностей», к поиску истоков современных кризисных явлений? Томас Манн отмечает, что моральный критицизм вообще оказался общей тенденцией того времени. В конце XIX в. европейская интеллигенция выступила против ханжеской морали викторианского столетия; в европейском сознании сложилась общая установка «брать на подозрение» и разоблачать господствующие ориентации, чтобы проверять их справедливость.

Предстояло прежде всего осмыслить тот факт, что «просветительная пропаганда» духовных ценностей столкнулась с социально-жизненным контек-

стом, принципиально иным, нежели та атмосфера, в которой рождались эти ценности. Пока «наставники» сами определяли судьбы своей цивилизаторской деятельности, «вразумляя» опекаемых, которые рассматривались в качестве потенциальных носителей культурных богатств, концепция «просвещения» сохраняла свой облик. Но вот пропаганда стала массовой, «элита» начала разговор с «публикой». И сразу обнаружились вопиющие несоответствия между цивилизаторскими устремлениями «жрецов истины» и повседневной реальностью. Оказалось, что социальный опыт трудящихся вступает в противоречие с господствующей идеологией, просвещение на деле оборачивается принудительной духовной опекой, а подчас и прямым насилием. Массы вообще не хотят, чтобы наставники «вели» их, как слепцов, к неведомой им цели; массы сами хотят вырабатывать эту цель.

Отсюда вывод: борьба с предрассудками — ложная задача, заведомо обречена на неудачу. Освободить мышление от иллюзий — значит оказать человеку дурную услугу, лишить его уверенности в себе и развязать разрушительную энергию. Вот почему индивиду так жизненно важно питать суеверия, дающие ему «стратегию выживания». Человеку необходимо «покрывать иллюзии» он может «найти свое спасение лишь в иллюзии». Психологический мир индивида, с точки зрения Ницше, включает в себя потребность в фикции, в идеологической подпорке. Особую роль играет в этом отношении миф. «...Без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает... культурное движение в некоторое законченное целое»³.

Политик хочет заняться откровенной демагогией. А что же люди? Французский социолог Алексис Токвиль, изучая еще в позапрошлом веке поведение американских фермеров, неожиданно обнаружил, что в сознании многих из них укоренились прочные стандарты, которые легко можно было принять за результат пропагандистского воздействия. Однако в самом содержании печати, доступной этим фермерам и популярной среди них, эти представления («иллюзии») не распространялись. Откуда они взялись? Каким образом откристаллизовались?⁴

Следовало, вероятно, раскрыть механику появления этих иллюзий. Отвлеченно-рационалисти-

³ Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 149.

⁴ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 2000.

ческие предпосылки, на базе которых традиционно изучалось движение к истине, здесь особого света не проливали. Предстояло описать какие-то новые механизмы духовной жизни людей. Ницше, как уже отмечалось, полагал, что превратные представления, духовные штампы нужны человеку, он испытывает в них психологическую потребность. Но он считал, что «потребитель» пропаганды лишь усваивает эти идеологические стандарты, а не создает их. А тут получалось, будто «иллюзии» живут в сознании индивида «сами по себе», независимо от пропаганды, и даже тиражируются. Токвиль ведь недаром обратил внимание именно на распространенность сходных духовных образований. Как же они формируются?

Мне все время хочется привести такой пример. В начале первой мировой войны в немецкой печати сложилась своеобразная форма подачи материала. Публиковались фотографии с короткими или развернутыми подписями, носящими характер комментария. Снимки воспроизводили картины военных действий, мучения солдат, попавших в плен, сцены грабежа и пыток. Эти материалы произвели огромное впечатление на общественное мнение, вызвали гнев различных слоев населения. Читатели полагали, что имеют дело с правдивой, неопровержимой информацией. Но неожиданно выяснилось, что эти сообщения не соответствуют действительности. Снимки не были какой-либо инсценировкой и воспроизводили картины подлинных событий. Однако подписи к ним строились с расчетом на преднамеренную фабрикацию общественного мнения. Текст зачастую состоял из лживых обвинений, заведомых провокаций. Например, сцена захоронения солдат подавалась как картина изоциренных пыток и т.д.

Очень интересный пример. Разоблачение этих фальшивок, механика их повседневного тиражирования буквально потрясли читателей. Оказывается, органы информации вполне могут вводить в заблуждение огромные массы людей, не прибегая при этом к сложной технике «сотворения мифа». Вполне достаточно слегка исказить текст комментария, чтобы вызвать бурю страстей, сознательно инспирированных настроений. Выяснилось, что человек во всеоружии разума и трезвости незащищен перед обычной социальной демагогией. Но совсем недавно американские агентства распространили фотоснимки, на которых якобы изображены тела — жертвы химической атаки правительства Асада. Но трупы какие-то чистенькие, гладенькие. Однако известно, что при

химическом отравлении тела убитых не выглядят так благостно и аккуратно.

После первой мировой войны многие социологи пришли к выводу, что именно сфера массовой демагогии является источником исторических потрясений. Они полагали, что войны не хотело ни одно буржуазное правительство. А анализ содержания печати, по их мнению, показывал, будто все страны вступили в сражение под влиянием умышленных инспираций. Особенно были возмущены американские социологи: им казалось, что их страна вовлечена в войну английской и французской демагогией.

Представление о «триумфе социальной демагогии» стимулировалось теперь растущей уверенностью в том, что личность подвержена внешнему влиянию, общественное мнение легко вводится в заблуждение, а печать и радиовещание функционируют именно как средства массовой дезинформации. Многочисленные факты, свидетельствующие о том, что пропаганда легко вводит в заблуждение тысячи читателей или радиослушателей, западные исследователи стали истолковывать в том смысле, что сообщение оказывает прямое и неотразимое влияние на человека. Такая позиция способствовала проникновению в теорию социальной демагогии представлений о человеке как продукте внешних условий и внешнего воздействия. При этом росло убеждение, будто человек управляется автоматически и механически в рамках бихевиористской схемы «стимул — реакция»⁵.

Уже в 20-х годах прошлого столетия в США развернулись широкие исследования, цель которых заключалась в том, чтобы изучить запросы аудитории, потребляющей рекламные материалы. Позже начался анализ интересов и предпочтений «потребителей» пропаганды. Правда, социологическая работа сразу же приобрела во многом потребительский, утилитарный характер.

Мы все время подчеркиваем неотвратимость и пагубность социальной демагогии. Но можно ли сказать, что всесильна, и нет пределов для идеологического внушения масс? Не кажется ли, что само изучение механики социальной демагогии, ее рецептуры позволяет избежать ее тотального воздействия?

Если бы массы имели более конкретное представление о том, с помощью каких приемов

⁵ Даниленко В.И. Современный политологический словарь. М., 2000.

власть достигает своих целей, пренебрегая при этом зачастую интересами народа, то политическая практика выглядела иначе, была бы менее опасной и вредной. Парадоксально, что в нашей стране совершенно исчезла традиция постоянного интереса к языку социальной демагогии. Давно не было переводов зарубежных исследований на эту тему, нет книг и отечественных авторов. Между тем распознавание механизмов влияния на состояние умов является важной гарантией общественной гармонии. Мы помним из истории, какие последствия имела для Германии, для народов практика грамотной социальной демагогии. Вот, скажем, психологический механизм проекции. Он позволяет конструировать образ коварного врага и тем самым отвлекать общественность от реальных и насущных проблем.

Социальная демагогия постоянно делит мир на «плохих» и «хороших». Нацисты, мы хорошо знаем, все время проводили различие между «нами» и «ними», воскрешая при этом образ многоликого врага. «Они» — это американцы, англичане и французы, разбогатевшие на войне. «Они» — это левые, революционные пролетарии и марксисты («эти люди вонзили нож в спину воюющей нации»). «Они» — это коммунисты («они хотят лишиться нас остатков собственности, ввести общность жен»). «Они» — это русские («эти азиаты-дикари хотят привести на Рейн казаков»). «Они» — это другие славянские народы («занимают исконные немецкие земли, стесняют наше жизненное пространство»). «Они» — это евреи («ворочают ростовщическим и торговым капиталом, объединены в единый всемирный заговор и паразитируют на теле немецкого народа»)

Нацистская пропаганда строилась на ненависти, на возбуждении сильных эмоциональных эффектов. Назовем в качестве примера выступление Гитлера в сентябре 1938 г. Ему предшествовала настоящая психическая подготовка: на фоне вагнеровской музыки — медленный, грозный барабанный бой, тяжелый, кованный солдатский шаг и зловещее бряцание оружием, то нарастающее, то удаляющееся. Это было психическое насилие в чистом виде, рассчитанное на то, чтобы запугать миллионы людей во всем мире; они должны были представить себе огромную военную машину Германии в действии, готовую в любую минуту обрушиться на них и смести все на своем пути, представить со всей конкретностью — и капитулировать.

Фашистская пропаганда уделяла огромное внимание организации всякого рода зрелищ — во-

енных парадов, демонстраций, митингов, публичных праздников, факельных шествий и т. д. Эта сторона нацистской пропаганды, помимо устрашения, вызываемого демонстрацией силы, была направлена на то, чтобы искусственно «взвинтить» массы, довести их до состояния коллективного психоза, иступленного воодушевления.

Разоблачая механику социальной демагогии, было бы преступно говорить о ее несокрушимости. Многие люди убеждены в том, что человек абсолютно незащищен перед потоком размноженного обмана, он совершенно не в состоянии различить реальность и грёзы, факт и вымысел. Более того, индивид будто бы и не стремится к этому. Иллюзия, служащая ему психологической опорой, устраивает его в большей мере, нежели жестокая правда современности. Именно поэтому, как полагают многие социологи, он внутренне тяготеет к такой культуре, которая маскирует действительность, помогает справиться с болезненным психическим напряжением, вызванным бешеным темпом «информационного общества».

Здесь немало сложных теоретических проблем. Как объяснить, например, податливость индивидуального сознания и в то же время его способность противостоять манипулятивным стандартам? Почему и как средства массовой коммуникации могут воздействовать на содержание культуры? Что представляет собой так называемая «визуализация» пропаганды, то есть возрастание в ней зрительных образов? Чем конкретно порождена «мания персонификации», то есть использование различных персонажей и героев массовой литературы в процессе манипулятивного воздействия на потребителя?

Парадокс заключается в том, что социальная демагогия сочится отовсюду. Сегодня на международной арене прав тот, у кого сила. Можно беззастенчиво врать, будто в какой-то страны ведутся тайные разработки атомной бомбы, что правитель применил химическое оружие против своего народа, что восточный владыка не хочет быть демократом. Но ведь это не просто риторика. За ней следуют активные действия — свержение режима, захват ресурсов, принадлежащих какой-то страны. Все — политики, эксперты, простые люди — понимают, что на самом деле идет захват чужих богатств. Но риторика стала изощренной, наглой, открытой.

Не следует полагать, будто она присуща только господствующей власти. Не чурается манипулированием сознанием и оппозиция. Посмотрим, к

примеру, предвыборные программы кандидатов на пост столичного градоначальника. Алексей Навальный, скажем, рассчитывал в случае его избрания мэром предоставить москвичам возможность определять приоритеты в развитии города. Мысль замечательная, но не бесспорная. Всем понятно, что учитывать мнение людей необходимо, но определять приоритеты в развитии города все-таки должны специалисты. Он также предлагал активнее бороться с коррупцией. Но ведь этот лозунг взят на вооружение всеми, кому не лень. Он полагал возможным запретить чиновникам покупать дорогие машины. Но после такого запрета останемся ли в правовом поле? Может ли рядовой москвич поверить этому политику, что он решит проблему пробок, создав сеть новых парковок?

Здесь мы вступаем в сферу массового сознания. Долг общества состоит в том, чтобы помогать людям, далеким от реальной политики, разбираться в социальных вопросах. С. Митрохин, это я еще раз о выборах мэра, обещал покончить с рабским трудом в столице, но не слишком ли все просто: использование мигрантов перестанет быть таким дешевым и их число резко сократится. Остановить кризис ЖКХ, установить контроль за тарифами. Но ведь это без всякого успеха пытается реализовать российское правительство. Нет ли здесь поверхностного погружения в проблему? Программа кандидата от ЛДПР — это набор лозунгов и восклицаний. «Мигранты? Домой!», «Проезд дорожает? Заморозить цены!», «Горячая вода? Будет всегда!», «Тарифы? Снизить!». «Низкие пособия? Повысить!», «Все нелегалы должны быть выдворены из Москвы». Н. Левичев предлагал политизировать деятельность мэра. Что все это означает? Если не разгул демагогии. Ведь никто из них не говорит: «Я попытаюсь», «Попробую претворить в жизнь такие-то меры». Но кто из москвичей не знает, что проблемы города не решаются таким демагогическим натиском? Когда политик на полном серьезе предлагает добиваться межнациональных браков, усиливать это стремление и принуждать к таким союзам, то возникает и сомнение, все ли ладно у него с головой.

А сколько социальной демагогии в риторике стран даже во внутренней политике! Западные социологи провозгласили «конец идеологии», чтобы заранее подготовиться к идейным схваткам. В наши дни, к примеру, между Россией и Китаем существуют добрые отношения. Но китайская власть пугает население Россией. Флагман китайской журналистики, крупнейшее государственное информагентство объясняет своим гражданам,

как обрушился Советский Союз. Да, это событие в нашей стране называют «крупнейшей геополитической катастрофой». Но зачем умышленно предлагать неправду? Агентство сообщает: «Россияне однажды проснулись ночью после большой демократизации и обнаружили, что ... все выходы в море, которых русские добивались в течение нескольких веков, потеряны». Но наши моря по-прежнему имеют выход к морю — Балтийское, Баренцево, Северный Ледовитый океан, Тихий океан, Каспий, Азовское море, Черное... Что же мы потеряли из наших морей? Ничего. Но китайская власть внушает населению, насколько разрушительна большая демократизация.

Как отстраниться от социальной демагогии? Как избежать ее суггестивной мощи? Весьма популярный философ Юлиус Эвола предлагал в качестве панацеи деполитизацию. Его книги спустя столетие породили своеобразную эволюцию. Он утверждает, что в современном мире нужно максимально отдалиться от политических интриг. Надо быть «обособленным человеком». Эту установку он называет аполитеей. Она, по представлениям Эволы, по существу обозначает внутреннюю позицию беспристрастности и независимости. Аполитея означает сохранение непреодолимой внутренней дистанции по отношению к современному обществу и его «ценностям»; отказ от всяких духовных и моральных связей с ним». Аполитея, в том виде, как она мыслится Эволой, не требует исполнения никаких особых предварительных условий во внешнем плане⁶.

Аполитея — утопична. Манипулирование массовым сознанием настолько укрепилось, набрало такие обороты, что, вероятно, как пишет Жак Бодрийяр, преспокойно продолжало бы существовать, если бы человечество вообще исчезло. Политика больше не сосредоточена в политике, она затрагивает все сферы — экономику, искусство, спорт. Обыкновенное выступление артистов за рубежом нередко превращается в политическое событие. Почти нейтральное осуждение геев со стороны известной спортсменки вызвало мощные политические страсти. И спорт вышел за рамки спорта — он в бизнесе, в сексе, в политике, в общем стиле достижений. Все затронуту спортивным коэффициентом превосходства. Когда секс присутствует во всем, теряется иммунитет, комментирует эти тенденции французский философ. Деполитизация оказывается формой интенсивной политизации.

⁶ Эвола Ю. Языческий империализм. М.: Русское слово, 1992.

Тот, кто читал книги Эвола, может быть поражен, насколько точно этот философ предугадал глобальные проблемы современной цивилизации. Его диагноз плачевен: распад морали, утрата патриотических чувств, деградация культуры и разложение искусства. Эвола был беспощаден к социальной демагогии. Он писал о том, что защита личности, которая опирается на индивидуализм, абсурдна и бессмысленна. Эвола разоблачал лицемерие, связанное с демократической риторикой. По его словам, отупение и низкопоклонство (малодушие) достигли такой степени, что слово «демократия» превратилось в своего рода идола, а его навязчивое повторение везде и повсюду вызывает тошноту. Похоже, сегодня все уже просто боится сказать хоть слово против демократии и считают необходимым хоть как-то заявить о своей демократичности. Особенно это заметно, если открыто заявить о нежелании участвовать в грязной игре. Политики пытаются оправдать свои уступки, измышляя различные эпитеты и призывая к подлинной, национальной или здоровой демократии. Актуальны слова Гёте: «Трудно избавиться от вызванных духов».

Все же надо отметить, что идеи Ю. Эвола особенно популярны среди откровенных националистов. Этого мыслителя в первую очередь интересовали мистические свойства человеческой природы. Нет сомнений в том, что в современной политике и экономике значительную роль играет государство. Без преданности государственной идее трудно рассчитывать на успех. Но, как подметил в свое время М.Е. Салтыков-Щедрин, не надо путать отечество с Его Превосходительством. Скрепками традиционного государства были верность и преданность. Это

был принцип порядка и духовной власти. Но современное государство в европейских странах уже не заслуживает такой сакральности. Оно превратилось в корпорацию. Политики занимаются бизнесом, в результате сами ставят интересы личной выгоды выше государственных.

Социальные демагоги легко спекулируют на национальных проблемах. Нет сомнений в том, что после крушения идеологии «мультикультурализма» европейские страны столкнулись с рядом мучительных проблем. Полным ходом идет азиатизация Европы. Представление о ликующем вхождении народов в процесс глобализации оказалось легковесным. Социальному демагогу нетрудно найти повод для мобилизации людей, ощущающих единство «почвы и судьбы». И все-таки любое этнически разнородное государство, к примеру США или Германия, вряд ли способно взять на вооружение карту национализма. Даже если это преходящий лозунг дня, скажем, для победы на выборах или длительная кампания риторика исторической особости и державного превосходства ради национального единства уже не рекрутирует массы. Это, впрочем, не означает, что власть или оппозиция, мечтающая о власти, откажется от социальной демагогии вокруг «почвы и судьбы».

С каким цинизмом сегодня реализуется международная политика! И. Ильф в свое время иронизировал: можно, скажем, объявить войну Дании под очевидным предлогом: зачем они замучили датского принца Гамлета. Но Гамлет — всего лишь фантазийный образ Шекспира. Это уже детали. Массы плохо представляют, где грёза, где реальность. А вот про принца Гамлета слышали многие.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1993.
2. Даниленко В.И. Современный политологический словарь. М., 2000.
3. Мочкин А.Н. Великая политика Ф. Ницше и консервативная революция // Философия и культура. 2011. № 4 (40). С. 78-87.
4. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 2000.
5. Эвола Ю. Языческий империализм. М.: Русское слово, 1992.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. Sotsial'naya mifologiya. M., 1993.
2. Danilenko V.I. Sovremenniy politologicheskii slovar'. M., 2000.
3. Mochkin A.N. Velikaya politika F. Nitsshe i konservativnaya revolyutsiya // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 4 (40). S. 78-87.
4. Tokvil' A. Demokratiya v Amerike. M., 2000.
5. Evola Yu. Yazycheskii imperializm. M.: Russkoe slovo, 1992.